

Бланк конкурсной работы Всероссийского конкурса сочинений
«Без срока давности»

Субъект Российской Федерации / Зарубежный участник Конкурса/ Школа МИД	
	Ивановская область
Город (населенный пункт)	город Ича
Полное название образовательной организации	муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 2 им. К. Д. Ткаченко
Участник Конкурса	
Фамилия	Дмитриева
Имя	Каролина
Отчество	Михайловна

2 страница

Класс (курс) обучения участника:

6 класс

Тематическое направление:

Великая Отечественная война, 1941-1945 годов
в истории семьи участника Конкурса

Жанр сочинения:

Очерк

Тема сочинения:

Дневник Марии.

Сочинение:

Сегодня я иду в свою родную школу с особыми чувствами... Вот и знакомое старинное здание бывшей дореволюционной гимназии. Вхожу во двор... Здесь почти всегдалюдно и шумно; звенит весёлой колокольной 1 сентября, проходят школьные праздники, родители встречают ребят из младших классов после уроков, выпускники фотог-

рефарируются не fronte шейской земли...

На стекле из красного кирпича белая меморная табличка: "В этом здании в годы Великой Отечественной войны размещался военный госпиталь". Мысленно перекошусь в далёкий 1943 год; 20 апреля - 668-й день войны. Со школьного двора отправляется в путь до Коврова обоз, сформированный из комсоставных после легкой ранения. Медсёстры и санитарки провоняют своих подопечных, машут рукой на прощание. А у этих массивных кирпичных ворот, выходящая слёза, долго стоит и смотрит ему вслед Мария Аргуткина, моя прапрабабушка.

Прошлая. Вечером, перебирая семейные реликвии в большой бабушкиной шкатулке, я увидела старую довоенную тетрадь. Раньше я не обращала на неё внимания среди ярких поздравительных открыток и других интересных вещей.

- Что это? - обратилась я к бабушке.

- Это, внученька, Память! Показай...

Я открыла тетрадь, перевернула страничку... Ровные строчки на потрепанной от времени бумаге. Дневник Марии Ивановны Арutyиной, моей прапрабабушки. Она подробно описывала события, которые происходили с ней, в течение нескольких лет. Взгляд захватил страшную дату - 22 июня 1941 года, а под ней печатными буквами всего одно слово - ВОЙНА. Потом были другие записи. Я читала о том, как муж Марии Иван Кузьмич ушёл на фронт, как призвали двух сыновей - Алексея и Владимира, как она осталась одна с двумя младшими - Людмишкой и Юрой. В одной из записей упоминается о нашей иудейской школе №2, которую в год войны переоборудовали в госпиталь. Я стала читать внимательно...

1 марта 1943г.

Людмишка бежит в госпиталь, относит печёные колобки да смотрит,

нет ни братьев среди раненых. А сегодня
 прибежала, плачет: "Мама, мама, там
 солдатик есть, молодой, зовут Алексей,
 а отчество - Иванович, тёзка нашего
 Алёшки! Лезет, умирает, у него ног нет!"
 Впалам всё и убежала, а я реву. Надо
 завтра посмотреть, нельзя ли хоть кем-то
 помочь.

2 марта 1943г

Тюня сегодня в госпитале. Господи, сколько
 раненых, а всё везут и везут. Спросила
 у полевой санитарки, где лежит мой
 "сын" Алексей Иванович. Она посмотрела
 пристально: "Не здесь... Не скат, не ест...
 Смерти просит, - махнула уставо рукой -
 Вон там, в конце коридора."

Узнала я его сразу. Он лежал лицом
 к стене. Чуть-чуть повернувшись, посмотрел
 на меня. В глазах тоска, боль и... не-
 высказанная надежда. Что-то хотел спро-
 сить, но не смог, а потом и глаза
 закрыл, отвернувшись. В сердце мне словно

шапку воткнули, даже замерло на мгновение. Встала тихонько у изголовья, рассматриваю ушедшей. Лицо чистое, почти детское. Иногда на губах появляется блаженная улыбка. Взгляд скользит по складкам тонкого серого одеяла... там, где должна быть нога, оно конвертом подвёрнуто внутрь... Открыв глаза, увидел шею, недовольно скривив губы. Всё, решено - буду вас наблюдать.

14 марта 1943г

Тяжело. Грозного мой не хочет жить. Однажды банка сорвал, чтобы кровью истечь, но и дело подтвердит: "Умереть бы быстрее..."

Один раз не выдержало, рот ему медомой зажала, не дала произнести страшные слова, прискрикнуло: "Умереть легко - жить труднее! Бороться! Для уважающего себя человека нет такой вещицы, чтобы хотеть смерти, даже если невыносимо трудно. А ведь

Внутри у тебя уже вера пробьёт, только она ещё не коренная, а молодая.

Посмотрела удивлённо, но, уходя, заметила искорку в глазах.

Следующая запись в дневнике датирована 29 марта 1943 г. Моряк пишет, что огонь возжигается: с дзюктом вестей нет, сообщает, что Алексей маленького окреп, но нет-нет, да и шелькнёт у него мысль дурная: „Почему я такой кутерьма, обрубок? Для вас только обузой буду“.

Но в апреле в состоянии „скачка“ заметился переход: „Мой Алексей покоривается, только ест плохо, с неохотой. Но я же четверка выросшая и его вакармаю, где хитростью, где прибауткой. Сегодня прихоту и бодро так, как детям, бавало:

- А я тебе щей гордижж прикешид!

- Не хочу ...

- Хочешь - не хочешь, а ровно четаре

ложки должен съест!

В глазах интерес: почему кетофе?

- Щи сера, щи пуста, щи с сухарями да
щи забеля - все надо попробовать!

Усмехнуся, а я уже первую ложку
ко рту подношу... Вторую... После третьей
отвернуся, но а тоже упрямая:

- Убавь матушкы-кормилицу, отведай
четвёртых щей, хлебки ложку.

- А кто за щи такие - "забеля"?

- Забелю я их, молока добавлю,
вот и "забеля". Так у нас говорят.
А сами щи из смеси зерно да
ложку за ложкой подношу. Так и
некоршю.

А 20 апреля прапрабабушка неси-
саме в дровянке: "У меня сегодня и
радость, и горе. Выписывают моего
Лешеньку! Оказия вышло: обоз из гос-
питалю в Новков, а там по железу-
ной дороге поедет он домой в Челя-
бинск. Хорошо, что не один едет.

Уабралось восемь человек, рожкаос,
которам почти по дороге."

Прощание было келногословкам... Уелел-
нуся кевесело:

- Смотри, мать... Товарищи мои на
фронт, а меня списывают как купечес-
кий товар!

- Не списывают, а кеправляют помогают
бабам да девкам! Поищем, про легки-
погорскую стель по радио слушаем?!
Неужто не всёя Ютском Урел дела
тебе не кайдётся?!

Мария не могла сдержат слёз, как
ни крепилась. "Наревелась..." - пишет она в
дневнике. Помогла санитаркам нести ко-
сметки до подвода, уселла провела рукой
по светлым волосам парня, которого
подсватили товарищи по госпителю,
усадил поудобнее, обхватил с двух
сторон за плечи, чтобы кешельше трел-
ло. Алексей поднял руку в прощальном
жесте, почти кеслано произнёс: "Прощай,

мать... спасибо тебе". Долго смотрела
вслед, пока катаря колющие телеги, под-
нимая облачко пыли, спускались по Совет-
ской улице, въезжали на мост через Тезу.

А через три месяца из Челябинска
в Шую пришло письмо от "источника".
Алексей сообщал, что доехали благополуч-
но, кланялся Марии и от матери своей
поклон передавал. Радость сменялась сожа-
лением - от муча и соковей вестей так и
нет. "Завтра снова в госпиталь поеду.
Может, ещё кому моя забота и любовь
нужна", - решила Мария Ивановна.

Прочитала я эти строки и задума-
лась: а кто же дальше будет? Как у
этого безногого солдата жизнь сложит-
ся? А бабушка взяла тетрадь, пере-
писала её и передала мне как отвра-
той страшице. Я снова погружалась в
теплые мелкие ровные строки.

8 августа 1954 г.

Вчера утром меня ждала неожиданная

радость! Приезжал из Челябинска и да
создался Аёша, да не один, а с
матерью и двумя детушками - Воло-
дей Яет и доченькой Маней, которую
в честь меня назвали! Только пока
дома с годовалой Аёшенькой остался
как моим любимым сыночком, звал
мальчишек своих назвал - Володей да
Аёшей... Фаина Федоровна, матушка
Алексея, низко поклонилась мне: «Спаси-
бо, - говорит, - что сына моего выхо-
дили!»

Потом за столом сидели: разго-
вор, смех, слёзы... Фаина рассказывала,
как ушла сына ходить на протезах,
сколько слёз пролила тайком. А Алек-
сей сын мой вспоминал:

- Так пригодились прасказка ваша,
Мария Швановна, когда детей к горю-
чему приукажи!

Сегодня уезжают гости дорогие
мои. Снова мы не вернёмся с фронта,

погибли голубчики. Но пабуть далеко в
 Челябинске два брата - Володя и Лёнянь-
 ка, там же саки? Счастья вам, горя,
 война не звать...

- Ой, бабушка, как всё хорошо за-
 кончилось! Я, наверное, тоже буду
 вести дневник, а первое, что напи-
 шу, - стихотворение, посвящённое моей
 прапрабабушке Марии Ивановне Пруткиной...

О, сколько раненок споела

Простая лоска матерей,

Когда душа солдат страдала

От обречённости, смертей,

От злой копей, от дикой боли,

Когда хотелось утешить...

Не пожелать врагу твои дома...

Душа просила пожелать

Важности и терпели,

Любовь дарить и тепло

И важать раненых велики

Всем бедам и смертям нею!

Бабушка рассказывала мне, что пог-

да баба Маша что-то забавалась,
она говорила: "Лисья память перебра-
ла в пункт и исчезла". Нельзя до-
пустить, чтобы наша лисья Память
о Великой Отечественной войне превра-
тилась в пункт и оборвалась.